В
3159
I

В. Хвостов

Единственный и его собственность

В
3152

В. М. Хвостовъ.

1813

Единственный и его собственность.

1813

Графія Товарищества И. Д. Сытина. Пятницкая, уг. собор.
МОСКВА. — 1907.

„Пров 38"

Пров. 1889

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
33435

Единственный и его собственность.

I.

Болѣе свободныя условія, въ которыя попала русская печать, даютъ возможность нашему обществу познакомиться со многими чрезвычайно любопытными произведеніями западно-европейской мысли, которыя прежде были намъ недоступны; строгая „фрейлейнъ“, по остроумному сравненію кн. С. Н. Трубецкого, не позволяла намъ ихъ читать. Къ числу такихъ произведеній принадлежитъ книга Макса Штирнера, одного изъ родоначальниковъ современнаго индивидуалистическаго анархизма, озаглавленная: „Единственный и его собственность“; если не ошибаюсь, нѣмецкій подлинникъ этого сочиненія, вышедшаго въ свѣтъ еще въ 1845 г., остается до сихъ поръ запрещеннымъ въ Россіи, хотя въ Германіи онъ вошелъ въ составъ общедоступной по своей дешевизнѣ Рекламовской коллекціи; но русскихъ переводовъ появилось за короткое время уже два [1]).

Идеи, которыя развиваетъ Штирнеръ (псевдонимъ, настоящее имя автора Каспаръ Шмидтъ) въ этомъ произведеніи, во многомъ напоминаютъ ученіе Ницше въ послѣднемъ періодѣ его творчества, въ періодѣ „Заратустры“; Штирнеръ отправляется отъ сходныхъ предпосылокъ и приходитъ къ аналогичнымъ результатамъ; даже въ самой архитектоникѣ книги есть нѣчто общее съ произведеніями Ницше: книга страдаетъ отсутствіемъ строго логической системы распредѣленія матеріала, языкъ автора нерѣдко переходитъ въ тонъ отрывочныхъ и страстныхъ афоризмовъ. Но на сторонѣ Штирнера есть одно преимущество: хотя и его выводы и

[1]) Я пользуюсь переводомъ В. Ульриха, издан. книгоиздательства „Мысль“, 1906 г.

предпосылки, какъ мы убѣдимся, не свободны отъ внутреннихъ противорѣчій, но онъ все же, въ общемъ, гораздо послѣдовательнѣе и прямолинейнѣе въ своихъ построеніяхъ, нежели Ницше. Поэтому книга Штирнера представляетъ незамѣнимый матеріалъ для провѣрки основъ индивидуализма и имморализма. Штирнеръ можетъ быть названъ имморалистомъ еще въ большей степени, чѣмъ Ницше, хотя самое слово это было изобрѣтено послѣднимъ [1]).

Штирнеръ начинаетъ свою книгу съ разрушенія всѣхъ кумировъ и идеаловъ человѣчества. Ему необходима основательная разрушительная работа, чтобы очистить почву для сооруженія новаго ученія о человѣкѣ и его задачахъ. Онъ является врагомъ и отрицателемъ всего того, что ему представляется нереальнымъ элементомъ господствующаго міровоззрѣнія; онъ ведетъ смертельный бой съ массой привидѣній, сущностей, абстракцій, въ рабство которыхъ, по его мнѣнію, до сихъ поръ постоянно отдавались люди. Каждая историческая эпоха имѣетъ своихъ поработителей въ въ видѣ такихъ „абстракцій“. Исконная ошибка человѣчества состояла именно въ томъ, что оно постоянно служило абстракціямъ, идеямъ, и ставило ихъ выше того, что составляетъ единственную реальность: человѣческаго индивида, какъ онъ есть, со всѣми его свойствами и конкретными особенностями. „Чего-чего только не считаютъ моимъ дѣломъ. Прежде всего доброе дѣло, затѣмъ—дѣло Божіе, дѣло человѣчества, истину, свободу, гуманность, справедливость, далѣе—дѣло моего народа, моего государя, моей отчизны; дѣло духа и многое множество иныхъ дѣлъ. Только *мое* собственное дѣло никогда не должно быть моимъ дѣломъ: „долой эгоиста, помышляющаго только о себѣ“. Такъ начинаетъ Штирнеръ свое изложеніе (стр. 3).

Штирнеръ проводитъ различіе между людьми стараго времени, куда онъ относитъ міръ дохристіанскій, и людьми новаго времени, при чемъ онъ въ особомъ отдѣлѣ останавливается на людяхъ „свободныхъ“, какъ на „новѣйшей группѣ среди людей новаго времени“ (стр. 65).—Древность въ его глазахъ характеризуется той зависимостью, въ которую люди ставили себя отъ внѣшняго, чувственнаго міра, отъ міра вещей. „Негритянство отмѣчаетъ собою древность, эпоху

[1]) Ницше съ книгой Штирнера не былъ знакомъ.

зависимости отъ вещей, зависимость отъ того, какъ ѣстъ пѣтухъ свой кормъ, какъ летаетъ птица, отъ чоха человѣка, отъ грома и молніи, отъ шума, производимаго деревьями священной рощи, и т. д." (стр. 45). „Итакъ, чего же домогалась древность? Она искала истиннаго наслажденія, подлинной житейской услады, а въ конечномъ счетѣ—истинной жизни" (стр. 15). Хотя античные люди и боролись сильно и мужественно противъ ига вещей, но это иго они должны были признать. Лишь много времени спустя они познали, что „истинная жизнь" есть не та жизнь, которую они проводили въ борьбѣ противъ вещей міра, а духовная, отъ вещей отрекающаяся жизнь, и, когда они это сознали, они стали христіанами, т.-е. людьми „новыми", и новаторами относительно людей стараго времени. Но жизнь, отрекающаяся отъ вещей, или духовная жизнь, питается уже не соками природы, она „живетъ идеей" и потому является уже не „жизнью", а „мышленіемъ" (стр. 15).—Христіанство создало для личности новое рабство: оно объявило личность подъ господствомъ „духа". Штирнеръ считаетъ духъ абстракціей, которая ничего общаго не имѣетъ съ единственной признаваемой имъ реальностью: тѣлеснымъ человѣкомъ со всѣми его конкретными свойствами. Онъ называетъ монгольствомъ эпоху, поставившую людей въ зависимость отъ рефлексіи, эпоху христіанскую, и видитъ историческое назначеніе кавказской расы въ борьбѣ съ „небомъ", въ окончательномъ уничтоженіи „неба" (стр. 45—46). Религія ему представляется „кабалой въ примѣненіи ко *мнѣ: я* закабленъ, *я* не свободенъ"; свободой религія оказывается только въ примѣненіи къ духу: духъ свободенъ или обладаетъ свободой духа (стр. 33).—Борьба съ духомъ и съ религіей далеко еще не закончена. Современный либерализмъ представляется Штирнеру насквозь пропитаннымъ религіозными вѣяніями. Правда, либералы и атеисты отказываются отъ христіанскаго Бога; но они создаютъ новыхъ боговъ, отдаютъ человѣка въ рабство другимъ абстракціямъ, идеямъ, привидѣніямъ. Политическій либерализмъ со временъ французской революціи толкуетъ о свободѣ. Но эта свобода сводится только къ уничтоженію произвола отдѣльныхъ лицъ и къ отдачѣ личности въ рабство закона. Свободнымъ оказывается исключительно государство, т.-е. въ глазахъ Штирнера — абстракція, привидѣніе; личность же

продолжаетъ оставаться вполнѣ несвободной. При такихъ условіяхъ „мы обращаемся въ рабовъ на законномъ основаніи“ (стр. 73). „Воображаемое я, идея, каковой представляется нація, выступила на сцену, чтобы дѣйствовать активно, т.-е. отдѣльные индивиды обратили себя въ орудіе этой идеи и стали дѣйствовать въ качествѣ „гражданъ“ (стр. 74). „Господинъ былъ обособленъ отъ отдѣльнаго человѣка, отъ „эгоиста“, чтобы превратиться въ привидѣніе, въ законъ или государство“ (стр. 97). Поэтому, въ сущности, „всякое государство есть деспотія, независимо отъ того, сколько въ немъ деспотовъ: одинъ ли только, или много, или въ немъ, какъ въ республикѣ, господствуютъ всѣ поголовно, при чемъ одинъ деспотизируетъ другого. Это имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, если данный законъ, какъ выраженіе мнѣнія и воли народнаго собранія, становится закономъ для отдѣльнаго индивида, который обязуется повиноваться ему, или обязанъ по отношенію къ нему послушаніемъ. Дѣло не измѣнилось бы и въ томъ случаѣ, если каждый изъ отдѣльныхъ представителей народа изъявилъ бы ту же волю, и если такимъ образомъ осуществилась бы „всеобщая воля“. Развѣ моей волей, изъявленной вчера, я не былъ бы связанъ сегодня и позднѣе? Моя воля въ этомъ случаѣ какъ бы застываетъ. Противная устойчивость. Мое созданіе—изъявленная мною воля—стало бы моимъ повелителемъ. Я же, создатель, былъ бы стѣсненъ и ограниченъ въ своей волѣ, былъ бы задержанъ въ своемъ развитіи и разложеніи. За то, что я вчера учинилъ глупость, я обязался бы всю жизнь быть глупцомъ“ (стр. 131). „Народная свобода есть не моя свобода“ (стр. 143). „Республика есть та же абсолютная монархія“ (стр. 152).—Еще въ большей степени несвободными грозятъ сдѣлать насъ коммунисты и соціалисты: политическій либерализмъ оставляетъ личности, по крайней мѣрѣ, частную собственность; коммунизмъ и соціализмъ у нея отнимаютъ и это достояніе, такъ какъ владѣть собственностью можетъ только общество. „Общество, подобно націи политиковъ, есть только „духъ“, а его тѣло есть только призракъ“ (стр. 78). „Передъ лицомъ верховнаго собственника мы станемъ всѣ въ равной мѣрѣ „оборванцами“. Въ настоящее время одинъ человѣкъ еще опредѣляется другимъ, какъ „оборванецъ, голякъ“; но тогда такая оцѣнка прекратится, мы всѣ обратимся въ оборванцевъ и всю совокуп-

ность нашего коммунистическаго общества мы можемъ наименовать „сбродомъ оборванцевъ“ (стр. 79).—Наконецъ ученіе современныхъ „гуманистовъ“, въ родѣ Фейербаха, которые на мѣсто Бога подставляютъ „человѣка“ вообще и говорятъ о развитіи человѣчности, гуманности, также отдаетъ личность въ рабство. Вѣдь для гуманистовъ имѣютъ положительную цѣнность только тѣ свойства личности, которыя совпадаютъ съ ихъ общимъ представленіемъ о человѣкѣ, а отдѣльная конкретная личность со всѣми ея особенностями опять лишена признанія. „Кто мечтаетъ о „человѣкѣ въ себѣ“, тотъ упускаетъ изъ виду личность человѣческую и вращается въ кругу идеальныхъ святыхъ интересовъ. Абстрактный „человѣкъ въ себѣ“ не есть, вѣдь, личность, онъ—идеалъ, онъ—привидѣніе, или духъ“ (стр. 53).

Такимъ образомъ, заключаетъ Штирнеръ, въ теченіе всей исторіи человѣчества мы находимъ только порабощеніе личности разнымъ абстракціямъ, привидѣніямъ, но не встрѣчаемся съ настоящей „самобытной“ личностью. Свобода, о которой шла рѣчь въ освободительныхъ движеніяхъ, не есть на самомъ дѣлѣ свобода человѣческой личности. „Политическая свобода означаетъ, что polis—государство, свободно; религіозная свобода означаетъ, что религія свободна, подобно тому, какъ и свобода совѣсти означаетъ, что свободна совѣсть; слѣдовательно, это не значитъ, что я независимъ, свободенъ отъ государства, отъ религіи, отъ совѣсти, или что я избавился отъ нихъ. Это не значитъ, что я свободенъ, это значитъ только, что нѣкоторая сила, господствующая надо мной и угнетающая меня, свободна; что свободенъ тотъ или иной изъ моихъ властителей: государство, религія, совѣсть,—всѣ эти повелители обращаютъ меня въ раба, и ихъ освобожденіе есть мое порабощеніе“ (стр. 71).

Штирнеръ отрицаетъ не только всѣ эти абстракціи, но онъ отрицаетъ и самую истину, какъ нѣчто обязательное для личности, стоящее надъ ней. „Для меня совершенно все равно, кто побѣдитъ,—богъ ли, или истина; прежде всего и паче всего побѣдить желаю я“ (стр. 230). Истиной въ его глазахъ является все то, что ему въ каждый моментъ нравится, доставляетъ усладу (стр. 238); каждый моментъ онъ воленъ отступиться отъ прежняго образа мыслей, и онъ называетъ такое отношеніе господствомъ надъ своими мыслями. „Ставъ собственникомъ мыслей, я, разумѣется, и эту

свою собственность буду отстаивать и охранять, какъ я отстаивалъ и вещную собственность; но въ то же время я буду съ усмѣшкой слѣдить за исходомъ борьбы, съ усмѣшкой буду прикрывать своимъ щитомъ трупы моихъ мыслей и вѣрованій, и улыбаясь я буду торжествовать, если въ борьбѣ меня преодолѣютъ. Въ томъ-то и заключается юморъ" (стр. 239). И о своей книгѣ Штирнеръ заявляетъ: „мои мысли я высказываю не ради васъ и даже не ради истины. Нѣтъ! Я пою, какъ поетъ птаха, которая гнѣздится тамъ, на вѣткахъ, и моя пѣснь, свободно льющаяся изъ моей груди, мнѣ служитъ вполнѣ достаточной наградой. Я пою, потому что я—пѣвецъ, и вами я пользуюсь при этомъ, потому что мнѣ необходимы слушатели" (стр. 199). Автора не интересуетъ даже то, какіе плоды принесутъ высказанныя имъ мысли: „если бы я зналъ навѣрно, что изъ этихъ мысленныхъ сѣмянъ вырастетъ кровопролитная война и гибель многихъ поколѣній, я все-таки не пересталъ бы сѣять эти сѣмена. Дѣлайте съ ними, что хотите, это — ваше дѣло, а меня оно нисколько не касается" (стр. 199).

Устранивъ съ своего пути всѣ тѣ предразсудки, которые до сихъ поръ загромождали дорогу свободному развитію человѣка, Штирнеръ сооружаетъ свое собственное положительное ученіе. Онъ считаетъ необходимымъ измѣнить самый фундаментъ сооружаемаго зданія. „И Богъ и человѣчество обосновали свое дѣло на ничемъ, т.-е. только на самихъ себѣ. Попробую и я обосновать свое дѣло на себѣ самомъ, ибо, подобно Богу, тоже представляю отрицаніе всего остальнаго, я тоже составляю все мое, я тоже — Единственный" (стр. 4). Мы уже знаемъ, что Штирнеръ высказывается противъ понятія свободы въ общепринятомъ смыслѣ этого слова; всѣ извѣстныя намъ „свободы" для личности знаменуютъ только ея порабощеніе. Въ противовѣсъ этому понятію онъ выдвигаетъ свое: „самобытность", и слѣдующимъ образомъ рисуетъ самобытную личность. „Самимъ собою я бываю не тогда, когда мною завладѣваетъ чувственность или что-либо иное (богъ, человѣчество, начальство, законъ, государство, церковь и т. д.), а тогда, когда я самъ собою овладѣваю; что только полезно мнѣ, лицу самобытному и себѣ самому принадлежащему, того и добивается мое своекорыстіе" (стр. 114). Только тѣлесно-реальное существо, отдѣльная конкретная личность представляется ему дѣйстви-

тельностью, и эта личность не должна себя ничѣмъ ограничивать (стр. 116—117, 142). Мы знаемъ уже, что для самобытной личности не существуетъ ничего объективно принудительнаго: ее не связываетъ ни истина, ни добро или зло, ни общее благо, ни право, ни нравственность. „Тысячи старыхъ дѣвъ, посѣдѣвшихъ въ добродѣтели, не стоятъ даже и единой вольной гризетки“ (стр. 42). Ни общество, ни государство не составляютъ авторитета для такой личности. Она знаетъ только свою волю и пользуется своей силой для ея удовлетворенія. Самобытное я называетъ своею собственностью то, что оно можетъ захватить, и собственность эта продолжается до тѣхъ поръ, пока хватаетъ силы, чтобы ее отстоять. Нѣтъ необходимости уважать другихъ людей: ихъ дѣло—стоять за себя и заставлять считаться съ ихъ собственностью. Признается только „захватное право“ (стр. 128); даже духовныхъ святынь не существуетъ: никто не обязанъ считаться съ тѣмъ, что дорого другому (стр. 187, 229).

„Какая разница между свободой и самобытностью? Самобытность—это совокупность всего моего существа и бытія, это я самъ. Свободенъ я отъ того, отъ чего я избавился, а самобытенъ въ томъ, что въ моей власти, или въ чемъ я властенъ“ (стр. 106). „Чѣмъ ты можешь быть, тѣмъ ты и въ правѣ быть. Всякое право и всякое полномочіе я вывожу и черпаю изъ самого себя, я въ правѣ дѣлать все, что въ моихъ силахъ. Я въ правѣ низложить Зевеса, Іегову, Бога и т. д., если могу; а если не могу, тогда эти боги будутъ правы относительно меня, будутъ сильнѣе меня, а потому я долженъ буду преклониться передъ ихъ правомъ и силой въ безсильномъ „страхѣ божіемъ“, я долженъ буду соблюдать ихъ заповѣди и буду считать себя правымъ во всемъ томъ, что я ни совершу согласно ихъ праву. Я только того не въ правѣ дѣлать, чего я не могу исполнить вполнѣ свободно и сознательно, т.-е. того, на что я самъ себя не уполномочилъ“ (стр. 126). Въ сущности, и говорить о правѣ невозможно: Штирнеръ признаетъ только насиліе, а не право, какъ результатъ какого-либо внѣшняго авторитета, и дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ особую оговорку (стр. 140). „Лишь то, чего я не могу осилить и преодолѣть, урѣзываетъ и ограничиваетъ мою власть“ (стр. 142). „Итакъ, что же такое моя собственность? Только то, что обрѣтается въ моей власти. На какого же рода собственность я имѣю право?

На всякую, какою только я смогу овладѣть. Правомъ собственности я надѣляю себя самъ; присваивая себѣ собственность, я надѣляю себя мощью собственника, полномочіемъ или захватнымъ правомъ“ (стр. 172). „Самобытность не признаетъ никакихъ заповѣдей „вѣрности, привязанности“ и т. д.; самобытность разрѣшаетъ все, даже и измѣну и ренегатство“ (стр. 158). „Надъ вратами современности красуется не античная, аполлоновская максима „познай себя“, а другая надпись: „реализуй цѣнность твоего *я*“ (стр. 211).

Такимъ образомъ эгоистъ стоитъ выше всего міра; міръ для него есть только объектъ его господства. „Мое отношеніе къ міру сводится къ тому, что я „потребляю“ его и пользуюсь имъ въ цѣляхъ самонаслажденія, а всякое общеніе съ людьми сводится къ использованію міра и служитъ мнѣ для самонаслажденія“ (стр. 214). Эта общая мысль проводится въ полной послѣдовательности. Напримѣръ, Штирнеръ не отрицаетъ любви: я могу любить людей; но при этомъ я люблю ихъ только, какъ объекты моего наслажденія (стр. 195, 197). Эгоистъ не отвергаетъ и науки; но онъ цѣнитъ науку лишь настолько, насколько можетъ ею пользоваться для увеличенія своей мощи (стр. 114). Не отвергается, наконецъ, и общественность: Штирнеръ неоднократно говоритъ о „союзахъ эгоистовъ“ (120, 209—210); но въ этихъ союзахъ нѣтъ никакой принудительности, никакой заботы объ общемъ благѣ: всякій вступаетъ въ нихъ только себя ради, т.-е. для своихъ личныхъ выгодъ, и пребываетъ въ союзѣ до тѣхъ поръ, пока это ему выгодно. Какъ мы уже видѣли, по ученію Штирнера никто не связанъ своимъ словомъ и постоянно можетъ отступиться отъ разъ даннаго обѣщанія (стр. 131, 207); поэтому и союзы эгоистовъ совершенно свободно расторжимы.

Какимъ же образомъ можно достичь такого состоянія, когда же явится это царство самобытныхъ личностей? Единственнымъ путемъ къ этому Штирнеръ считаетъ возстаніе личности, сознавшей себя, противъ всѣхъ абстракцій и привидѣній, лишившихъ ее самобытности. Это не есть революція; съ понятіемъ революціи связано стремленіе къ усовершенствованію государства (стр. 74); это есть полное возстаніе самобытной личности противъ общества и государства въ принципѣ. „Революція велитъ созидать учрежденія, а возмущеніе требуетъ внутренняго роста и возвышенія“ (стр. 212).

Неимущимъ нечего ожидать какихъ-либо подачекъ отъ государства или общества; только на свою силу должны они разсчитывать; только въ „войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ“ обрѣтутъ они то, въ чемъ нуждаются (стр. 173—174).

Каковъ будетъ порядокъ, который установится въ результатѣ возмущенія, Штирнеръ не берется предсказывать. „Меня могутъ спросить: но какъ же быть тогда, когда неимѣющіе осмѣлятся? Какого рода соглашеніе будетъ мыслимо тогда? Но вопросъ этотъ равносиленъ требованію, чтобы я предсказалъ ребенку его будущность по расположенію тѣхъ звѣздъ, какія были видны въ моментъ его рожденія. Что станетъ дѣлать рабъ, когда онъ разобьетъ свои оковы, это будетъ потомъ видно“ (стр. 174).

„Я представляюсь не однимъ изъ многихъ другихъ я, пишетъ Штирнеръ въ заключеніе своихъ разсужденій, но своимъ собственнымъ единымъ я: я—Единственный. Поэтому и всѣ мои потребности, дѣянія, словомъ—все во мнѣ единственно. И только въ качествѣ такого единственнаго я, все я и присвояю себѣ въ собственность, какъ я же, въ качествѣ такого я, себя осуществляю и развиваю. Я развиваю себя не какъ человѣкъ, и развиваю въ себѣ не человѣка, но себя, мое я. Таковъ смыслъ Единственнаго“ (стр. 241). „Я—собственникъ моей мощи, и таковымъ я становлюсь тогда, если сознаю себя Единственнымъ. Въ Единственномъ даже собственникъ-самобытникъ возвращается въ свое творческое ничто, которое его и породило. Всякое высшее существо вверху меня—Богъ ли, человѣкъ ли—умаляетъ чувство моей единственности и блѣднѣетъ лишь передъ лучезарнымъ солнцемъ этого сознанія. Если на себѣ Единственномъ я утверждаю свое дѣло, тогда оно покоится на своемъ бренномъ и смертномъ творцѣ, который самъ же себя и „пожираетъ“ и я могу заявить:

„Ничто — вотъ на чемъ я утвердилъ мое дѣло“ (стр. 244).

Этой послѣдней фразой кончается и начинается книга Штирнера.

Такимъ образомъ проповѣдникъ „Единственнаго и его собственности“, въ сущности приходитъ къ полнѣйшему нигилизму, котораго, впрочемъ, и не скрываетъ. Все сводится къ человѣческому индивиду, смертному и бренному;

этотъ индивидъ занятъ пожираніемъ міра; а такъ какъ онъ является и творцомъ этого міра,—разъ онъ Единственный, то иного творца и быть не можетъ,—то, пожирая міръ, онъ пожираетъ самого себя [1]). Дѣйствительно, въ результатѣ мы получаемъ „ничто“ и на немъ утверждается вся система Штирнера.

II.

При всей своей близости къ доктринѣ „Заратустры“, ученіе Штирнера все же существенно отъ нея отличается. Ницше не можетъ быть причисленъ къ анархистамъ. Признавая, подобно Штирнеру, главенство „самобытной“ личности, Ницше, однако, дѣлаетъ оговорку, что этотъ принципъ примѣнимъ только къ сильнымъ, аристократическимъ натурамъ, что его ученіе предназначено не для всѣхъ. Только сильныя, избранныя натуры могутъ руководиться идеаломъ самобытной личности, знающей лишь свою волю и не подчиняющейся никакому закону. Удѣломъ слабыхъ остается подчиненіе; сильные могутъ диктовать имъ свою волю. Ницше, такимъ образомъ, не оставляетъ мысли объ аристократіи сильныхъ и „имморализмъ“ не проведенъ у него до послѣднихъ консеквенцій. Признается принципіальное различіе между слабыми и сильными и законность господства послѣднихъ надъ первыми. Правда, Ницше не указываетъ того критерія, которымъ бы разграничивались высшія избранныя натуры отъ низшихъ, да и не можетъ его указать: въ мірѣ, гдѣ постоянно происходитъ „возвратъ всѣхъ вещей“, который оказывается лишеннымъ всякаго положительнаго смысла, гдѣ нѣтъ ни верха, ни низа, невозможно въ сущности проводить разграниченія, основанныя на сравнительной оцѣнкѣ достоинствъ. Но Ницше, тѣмъ не менѣе, стоитъ за эти разграниченія.

Штирнеръ является болѣе послѣдовательнымъ въ своихъ построеніяхъ, чѣмъ Ницше. Онъ не признаетъ ни для кого иного положенія, кромѣ руководства въ своихъ поступкахъ

---

[1]) Ср. стр. 225: „Первичное — не вещи и не ихъ взглядъ, а я самъ, моя воля“... „Всякое сужденіе мое объ объектѣ есть созданіе моей воли“. См. также стр. 64, 122, 227.

произволомъ, и отвергаетъ всякія объективныя нормы поведенія. Проповѣдуя „войну всѣхъ противъ всѣхъ". онъ выступаетъ защитникомъ полнѣйшаго и радикальнѣйшаго имморализма. Каждый человѣкъ является Единственнымъ. обладателемъ міра, какъ предмета своей эгоистической эксплуатаціи, какъ своей собственности. Штирнеръ отрицаетъ всякій внѣшній авторитетъ, всякую власть, исходящую извнѣ; границами права каждаго являются предѣлы его собственной силы. Право существуетъ, пока продолжается эта сила. Такимъ образомъ, индивидуализмъ доведенъ до послѣднихъ предѣловъ; отрицается всякій моральный или юридическій авторитетъ. Трудно понять, почему Штирнеръ. который не признаетъ даже связующей силы даваемыхъ нами другъ другу обѣщаній и считаетъ въ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ допустимымъ предательство, измѣну и ренегатство, находитъ возможнымъ иногда упоминать о правѣ на довѣріе, которое мы можемъ предоставлять одинъ другому; строго говоря, подобныя упоминанія (стр. 202, 204) являются непослѣдовательностью въ его ученіи. Хотя онъ заявляетъ, что человѣкъ не долженъ становиться рабомъ „необузданной чувственности", но долженъ удовлетворять ей „по своему произволу" (стр. 227), но совершенно ясно, что никакихъ директивъ для этого произвола не существуетъ, и я не вижу, въ сущности, никакой разницы между рабомъ своей чувственности и человѣкомъ, руководящимся только своимъ произволомъ.

Оцѣнивая это ученіе, я долженъ сказать, что оно представляется еще менѣе примѣнимымъ на практикѣ и еще болѣе безсодержательнымъ въ смыслѣ идеала человѣческаго поведенія, чѣмъ ученіе Ницше. Штирнеръ отправляется отъ столь же односторонникъ и невѣрныхъ предпосылокъ, какъ и Ницше, но будучи гораздо прямолинейнѣе, чѣмъ Ницше, въ своихъ построеніяхъ, получаетъ и выводы, еще менѣе приложимые къ жизни [1]).

Едва ли можно подвергать ученіе Штирнера строго философской оцѣнкѣ и обсужденію. Съ этой точки зрѣнія оно сразу вызываетъ массу недоумѣній. Штирнеръ не даетъ намъ вполнѣ опредѣленной гносеологіи. Между тѣмъ, если

[1]) О Ницше см. мои статьи въ „Русской Мысли" за 1905 г., №№ 5, и 12 „Этика Ницше".

провести въ этой области съ полной послѣдовательностью основныя предпосылки Штирнера, то, мнѣ кажется, мы совершенно неизбѣжно придемъ къ полнѣйшему солипсизму. Если я—Единственный, то, слѣдовательно, весь окружающій міръ есть не болѣе, какъ фантасмагорія, созданіе моего воображенія. Тогда привидѣніями окажутся не только государство, общество, право, нравственность, духъ, но и другіе люди; я не въ правѣ буду видѣть въ нихъ такихъ же мыслящихъ и чувствующихъ существъ, какъ я, потому что тогда трудно будетъ говорить обо мнѣ, какъ о Единственномъ, какъ о творцѣ міра. Штирнеръ не дѣлаетъ, однако, всѣхъ этихъ выводовъ. Онъ постоянно говоритъ о другихъ людяхъ, о моемъ къ нимъ отношеніи; даже о государствѣ и обществѣ, которые объявлены привидѣніями, онъ много разъ говоритъ, какъ о реальныхъ силахъ: съ ними нужно бороться, они могутъ на меня воздѣйствовать и т. п. Едва ли такія выраженія можно употреблять о „привидѣніяхъ“, лишенныхъ реальности. И едва ли Штирнеръ остается вполнѣ послѣдовательнымъ, постоянно къ нимъ прибѣгая въ своей книгѣ (стр. 78 сл. 132, 149, 160, 167, 192 и т. д.).

Оставимъ всѣ эти возраженія. Примемъ систему Штирнера, какъ онъ самъ. ее намъ излагаетъ, и посмотримъ, что могло бы изъ нея выйти при практической реализаціи его предположеній. Нетрудно убѣдиться, что ученіе Штирнера само себя уничтожило бы при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью.

Въ противоположность къ анархистамъ-коммунистамъ, въ родѣ Кропоткина, которые настолько убѣждены въ предустановленной гармоніи между людьми [1]) и въ ихъ прирожденной соціальности, что не сомнѣваются въ установленіи полнаго мира и порядка въ человѣческихъ обществахъ по устраненіи соціальнаго гнета и принужденія, Штирнеръ вовсе не столь оптимистиченъ въ отношеніи къ людямъ. Напротивъ, онъ признаетъ людей далеко не равными по своимъ способностямъ и въ общемъ ставитъ ихъ не высоко. Онъ прямо говоритъ: „пожалуй, можно даже утверждать, что природные тупицы составляютъ, безспорно, наиболѣе многочисленный разрядъ людей“ (стр. 218). Какимъ обра-

[1]) См. Basch. L'individualisme anarchiste. Max Stirner (Paris, 1904), стр. 246 сл.

зомъ писатель, отрицающій значеніе истины и враждебно относящійся къ предписаніямъ разума, можетъ произвести сравнительную оцѣнку людей по ихъ умственнымъ дарованіямъ, это остается для насъ загадкой. Но, какъ бы то ни было, ясно, что Штирнеръ не считаетъ людей равными по ихъ силамъ и не ставитъ ихъ особенно высоко. Спрашивается, что же станется при этихъ условіяхъ съ человѣческими отношеніями, если осуществится проповѣдуемое Штирнеромъ возстаніе противъ государства и самобытная личность получитъ полный просторъ? Намъ кажется, результаты предсказать нетрудно.

Штирнеръ проповѣдуетъ „войну всѣхъ противъ всѣхъ“ и въ этой войнѣ считаетъ допустимыми всякія средства, начиная отъ грубаго насилія и кончая обманомъ, предательствомъ, ренегатствомъ. При наличности разницы въ силахъ и свойствахъ между отдѣльными людьми, на которой настаиваетъ, какъ мы убѣдились, самъ же Штирнеръ, подобное положеніе приведетъ, конечно, къ тому, что въ этой борьбѣ побѣдятъ тѣ, которые окажутся сильнѣе. Наиболѣе сильные физически, наиболѣе умные и ловкіе окажутся господами положенія. Слабѣйшіе подпадутъ подъ ихъ владычество и вынуждены будутъ повиноваться ихъ указаніямъ. Неминуемо передъ нами становится столь ненавистный Штирнеру призракъ принужденія, господства сильныхъ надъ слабыми. Но этого мало. Разсуждая послѣдовательно, мы доберемся до права и до самого государства.

Штирнеръ, какъ мы видѣли, не вполнѣ отрицаетъ общественность: и для „самобытныхъ“ личностей онъ допускаетъ „союзы эгоистовъ“. Правда, онъ утверждаетъ, что эти союзы не стѣснятъ личной свободы, ибо каждый, кто недоволенъ своимъ союзомъ или считаетъ пребываніе въ немъ для себя невыгоднымъ, всегда можетъ выйти изъ союза. Но при этомъ онъ упускаетъ изъ вида, что и за союзомъ остается возможность извергнуть изъ своей среды того, противъ котораго возстанетъ большинство его членовъ. Такимъ образомъ, каждый союзъ можетъ оставить несогласную съ мнѣніемъ большинства личность въ изолированномъ состояніи и тогда, когда сама личность вовсе этого не желаетъ. Самъ Штирнеръ въ одномъ мѣстѣ своей книги проговаривается по этому поводу. „Каждое сообщество, основательно замѣчаетъ онъ на стр. 206, въ мѣру своей власти проявляетъ

въ большей или меньшей степени тенденцію стать авторитетнымъ для своихъ членовъ и ограничить ихъ; оно требуетъ и должно требовать, чтобы его члены обладали „ограниченнымъ разсудкомъ подданныхъ“, чтобы они были ему подчинены, были его „подданными“, ибо оно и существуетъ, только благодаря ихъ подданству“.—Ясно, что союзъ, если онъ достаточно сплоченъ въ большинствѣ своихъ членовъ, всегда окажется сильнѣе нуждающагося въ немъ меньшинства. Поэтому, если союзу будетъ угодно, онъ установитъ и обязательныя для своихъ членовъ правила поведенія, которыя санкціонируетъ угрозой исключенія изъ союза неповинующихся элементовъ. Такъ мы пришли, если еще не къ государству и праву, то во всякомъ случаѣ къ такимъ соціальнымъ нормамъ, которыя напоминаютъ по характеру своей принудительности современные нравы и приличія. Но мы дойдемъ и до настоящаго государственнаго и юридическаго принужденія.

Отдѣльные союзы эгоистовъ, конечно, въ „войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ“ не будутъ мирно уживаться и между собою. Они, несомнѣнно, придутъ во взаимныя столкновенія. Въ этихъ столкновеніяхъ неминуемо одолѣвать будутъ тѣ союзы, которые окажутся болѣе сильными; а такъ какъ здѣсь сила въ значительной степени зависѣть будетъ отъ внутренней сплоченности союза, то весьма возможно, что и въ самой борьбѣ окажутся побѣдителями именно тѣ союзы, организація которыхъ будетъ болѣе подходить къ принудительному, военному типу общества. Во всякомъ же случаѣ принужденіе будетъ неизбѣжнымъ результатомъ исхода борьбы: тотъ союзъ эгоистовъ, который одержалъ побѣду надъ другимъ, конечно, начнетъ эксплуатировать результаты своей побѣды; онъ заставитъ побѣжденныхъ работать на себя и, чтобы держать ихъ въ повиновеніи, введетъ принудительный порядокъ взаимныхъ отношеній. Появится союзъ съ классомъ господствующей аристократіи побѣдителей и безправнымъ классомъ побѣжденныхъ; отношенія внутри этого союза будутъ регулироваться чисто принудительными нормами, и мы получимъ государство и право во всей чистотѣ этихъ понятій.

Такимъ образомъ осуществленіе схемы Штирнера на практикѣ неизбѣжно приведетъ насъ именно къ тому, отъ чего Штирнеръ насъ хочетъ избавить: къ государственному

порядку, основанному на юридическомъ принужденіи. Напрасно Штирнеръ думаетъ, что и во внутреннемъ мірѣ каждой личности его идеалы обезпечиваютъ душевную свободу. Штирнеръ отвергаетъ какія бы то ни было директивы въ поведеніи самобытной личности. Онъ не признаетъ владычества разума, ибо „разумъ есть сводъ законовъ, изданныхъ въ противовѣсъ эгоизму“ (стр. 232); онъ хочетъ быть свободнымъ отъ мысли и „отстаиваетъ безмысліе вмѣсто свободы мысли“ (стр. 231). Но въ такомъ случаѣ человѣкъ становится въ полнѣйшую зависимость отъ своихъ моментальныхъ влеченій и побужденій; онъ не знаетъ сегодня, чего онъ будетъ хотѣть завтра. Хотя Штирнеръ и думаетъ, что, поручивъ человѣка его произволу, онъ тѣмъ самымъ поставилъ его „выше чувственнаго и выше истиннаго“ (стр. 232), но я не вижу никакой разницы между человѣкомъ, руководящимся своимъ произволомъ, и тѣмъ, котораго мы съ полнымъ основаніемъ называемъ рабомъ своихъ страстей и своей чувственной природы. „Для меня все равно, говоритъ Штирнеръ, кто побѣдитъ, богъ ли, или истина: прежде всего и паче всего побѣдить желаю я“ (стр. 230). Но, спрашиваемъ мы, что соблазнительнаго представляетъ такое существованіе, когда у человѣка нѣтъ рѣшительно никакихъ руководящихъ принциповъ, никакихъ идеаловъ, и когда онъ сегодня сжигаетъ то, чему поклонялся вчера, съ тѣмъ, чтобы завтра приняться за ту же работу безъ всякаго плана и безъ всякой опредѣленной цѣли въ будущемъ? Неужели это и есть та внутренняя свобода, которая соотвѣтствуетъ разумной и дѣятельной, творческой природѣ человѣка?

Любопытно отношеніе Штирнера къ истинѣ. Съ одной стороны, онъ совершенно категорически заявляетъ, что истина, какъ нѣчто связующее, для него не существуетъ, она только стѣснила бы его самобытность. „Для меня не существуетъ истины, заявляетъ онъ, ибо я выше всего цѣню себя“ (стр. 237). Съ другой стороны, однако, онъ не менѣе рѣшительно объявляетъ, что эгоистъ не отказывается отъ пользованія наукой и знаніемъ, если они увеличиваютъ его мощь (стр. 223). Но, спрашивается, какъ возможна наука и какимъ путемъ будетъ она увеличивать нашу мощь, если не существуетъ никакой объективно связующей истины?

Намъ кажется, изложеннаго вполнѣ достаточно, чтобы

показать, насколько мало ученіе Штирнера соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Штирнеръ исходилъ изъ такихъ односторонних и невѣрныхъ представленій о мірѣ, что не могъ построить ученія сколько-нибудь содержательнаго и осуществимаго. Нельзя разсуждать о поведеніи людей, исходя изъ представленія объ изолированной человѣческой личности, отвергая реальность общества и не признавая никакой истины и добра.

III.

Слѣдуетъ ли изъ изложеннаго, что индивидуалистическій анархизмъ представляетъ собою сплошное заблужденіе и не содержитъ въ себѣ никакой правильной идеи? Этого я не думаю. Напротивъ, я полагаю, что писатели, въ родѣ Штирнера, вполнѣ правы, когда они отправляются на поиски человѣческой личности, освобожденной отъ всякаго соціальнаго гнета. И мнѣ конечнымъ идеаломъ человѣческаго развитія представляется личность, которая живетъ въ обществѣ себѣ подобныхъ и въ то же время является совершенно свободной, не знаетъ надъ собою никакого внѣшняго принужденія. Конечнымъ идеаломъ человѣческаго развитія и въ моихъ представленіяхъ является освобожденіе личности. Но я полагаю, что искать этого освобожденія невозможно тѣмъ путемъ, которымъ идетъ Штирнеръ. Штирнеръ, какъ мы убѣдились, слишкомъ упрощаетъ дѣйствительность; онъ не беретъ жизни во всей ея полнотѣ и потому получаетъ ученіе, которое при своей реализаціи привело бы къ отрицанію самого себя. Правильное разрѣшеніе задачи возможно только на почвѣ строго научнаго отношенія какъ къ самой личности, такъ и къ окружающей ее соціальной средѣ.

Основная ошибка Штирнера въ его воззрѣніяхъ на человѣческое поведеніе состоитъ въ томъ, что онъ признаетъ единственной реальностью единичную человѣческую личность. Между тѣмъ, съ правильной точки зрѣнія, общество является реальной величиной не въ меньшей степени, чѣмъ личность. На ряду съ индивидуальной психической жизнью существуетъ и коллективная психика массъ и, только принимая ее во вниманіе, можемъ мы дать удовлетворительное разрѣшеніе этической проблемы. Конечно, общество состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, но его жизнь не исчер-

пывается ихъ индивидуальными переживаніями; общество, какъ цѣлое, имѣетъ свое существованіе, творитъ свои собственные продукты „психологіи народовъ“, и самая личность, сознающая себя, свои особенности и свою свободу, есть продуктъ общественнаго развитія. Въ некультурной средѣ мы такой личности не найдемъ: въ первобытныхъ обществахъ личность подавлена соціальной традиціей.

Штирнеръ, несмотря на весь свой индивидуализмъ, также вынужденъ признать, что соціальность является неотъемлемымъ свойствомъ человѣка. Онъ знаетъ, что „не изолированностью, или одиночествомъ, а общественностью, или общежитіемъ характеризуется первобытное состояніе человѣка“ (стр. 205); даже для „самобытныхъ“ натуръ онъ допускаетъ „союзы эгоистовъ“. Но онъ заблуждается, когда говоритъ, что „Единственные зарождаются въ глубокихъ нѣдрахъ общества, но общество не создаетъ Единственныхъ“ (стр. 180). Нѣтъ, именно въ весьма значительной степени оно ихъ создаетъ, и самъ Штирнеръ съ его книгой составляетъ продуктъ общественнаго развитія.

Вотъ почему, говоря объ освобожденіи личности, мы не должны, подобно Штирнеру, строить свои идеалы на почвѣ полнаго разобщенія личности и общества и возстанія личности противъ общества; не должны мы и относиться къ обществу, какъ къ „привидѣнію“, нереальной величинѣ. Мы должны помнить, что общество есть великая сила, которую не сокрушитъ никакая личность, какъ бы она ни была сильна, и что безъ общества не можетъ обойтись человѣческій индивидъ. Поэтому не о *возстаніи личности противъ общества* должны мы мечтать, но о приведеніи этихъ двухъ величинъ *къ гармоническому сочетанію, къ примиренію*. Конечно, нашимъ послѣднимъ идеаломъ долженъ быть такой строй, при которомъ личности будетъ обезпечена полная свобода индивидуальнаго развитія. Въ этомъ состоитъ правильная идея анархистовъ толка Штирнера. Но достигать этого мы не можемъ, идя по пути, указываемому Штирнеромъ. Правильный путь состоитъ въ томъ, чтобы мы стремились овладѣть законами жизни общества и индивида въ такой степени, что намъ удастся, наконецъ, сдѣлать вполнѣ мирнымъ ихъ одновременное существованіе. Имѣя въ виду эту цѣль, мы должны воздѣйствовать какъ на общество, такъ и на личность. Общество мы должны

вести въ сторону уваженія индивидуальной личности во всей ея единственности, т.-е. со всѣми ея конкретными особенностями. При этомъ мы не должны забывать, что и само общество выигрываетъ отъ разнообразія личностей, изъ которыхъ оно состоитъ: его жизнь становится отъ этого полнѣе, его развитіе дѣлается быстрѣе и всесторонѣе. Но и личность мы должны направлять, въ свою очередь, въ сторону наибольшей соціальности, воспитывать ее въ томъ направленіи, чтобы „общее благо“ стало для нея руководящимъ принципомъ поведенія. Когда мы достигнемъ такого результата, тогда наступитъ эпоха той нравственности, которую Спенсеръ называетъ „органической“, т.-е. которая не нуждается ни въ какомъ принужденіи, не знаетъ тягостнаго долга. Тогда станетъ возможнымъ и „анархическій“ строй, не въ смыслѣ безпорядка, но въ смыслѣ полнаго порядка и сотрудничества, основанныхъ на свободѣ, а не на принужденіи. Ошибка писателей, въ родѣ Штирнера, состоитъ въ томъ, что они мечтаютъ ввести подобный строй не путемъ коренного реформированія общественныхъ порядковъ и перевоспитанія личности, но путемъ возстанія. Если личность останется попрежнему во многомъ антисоціальной, то такое возстаніе въ конечномъ итогѣ неизбѣжно привело бы къ быстрому возстановленію сокрушеннаго имъ государственнаго принужденія, какъ мы наглядно убѣдились, разбирая схемы Штирнера съ точки зрѣнія ихъ реализуемости. Перевоспитаніе же личности и реорганизація общества въ духѣ признанія полной свободы личнаго развитія возможны только на почвѣ научнаго овладѣнія законами жизни общества и личности; только на почвѣ полнаго знанія можемъ мы совершить безошибочныя общественныя реформы и безошибочно руководить воспитаніемъ личности. Однимъ словомъ, только при условіи признанія истины и овладѣнія ею можемъ мы достигнуть соціальнаго идеала; но мы не двинемся съ мѣста, если мы, вслѣдъ за Штирнеромъ, будемъ отрицать самую истину. Свобода можетъ покоиться только на знаніи.

Довольно близокъ уже къ этимъ положеніямъ одинъ изъ послѣдователей и поклонниковъ Штирнера, шотландецъ Маккэй, романъ котораго „Анархисты“, появившійся въ подлинникѣ въ 1891 г., также только на дняхъ вышелъ въ

русскомъ переводѣ [1]). Въ этомъ романѣ анархистъ Обашъ, въ лицѣ котораго, очевидно, говоритъ самъ авторъ, настаиваетъ на томъ, что все „дѣло идетъ о томъ, чтобы сдѣлать насиліе невозможнымъ. Этого нельзя достичь, противопоставляя насиліе насилію“ (стр. 245). Онъ находитъ возстаніе противъ государства непрактичнымъ. „Не можетъ быть, конечно, и вопроса о томъ, чтобы вызвать на бой государство, еще вооруженное съ головы до ногъ; подобное безуміе имѣло бы послѣдствія, которыя легко предвидѣть. Нѣтъ, это чудовище, питающееся нашей кровью, нашимъ трудомъ, должно будетъ умереть отъ истощенія, его надо будетъ побѣдить голодомъ“ (стр. 272). „Тѣмъ, которые полагаютъ, что анархія представляетъ собою хаосъ, а анархистъ — разрушитель всего, надо уяснить, что анархія является *конечною цѣлью эволюціи человѣческаго общества*, что это слово обозначаетъ тотъ общественный строй, гдѣ свобода личности и личнаго труда является гарантіей благосостоянія личнаго и *общественнаго*. Тѣмъ, которые справедливо не вѣрятъ въ идеалъ братскаго коммунизма, надо было доказать, что анархизмъ ищетъ свободы личности не въ общности имуществъ и самоотреченіи, а въ уничтоженіи всякаго принужденія и всякихъ искусственныхъ ограниченій“ (стр. 270). Такимъ образомъ Маккэй находитъ возможнымъ говорить даже объ „общественномъ благосостояніи“—понятіи, съ точки зрѣнія Штирнера совершенно недопустимомъ. Становясь на такую почву, Маккэй уже перестаетъ быть крайнимъ индивидуалистомъ. И самъ онъ очень живо рисуетъ намъ въ своемъ романѣ состояніе человѣка, несправедливо извергнутаго изъ общества людей, которыхъ онъ уважаетъ и на которыхъ привыкъ смотрѣть, какъ на родственныхъ по духу. Старый анархистъ, отвергнутый товарищами на основаніи клеветническаго обвиненія, говоритъ въ романѣ Маккэя: „Я смѣло смотрѣлъ въ лицо смерти, я перенесъ всевозможныя гоненія, ненависть, голодъ, тюремное заключеніе, и не палъ духомъ... Но быть прогнаннымъ, какъ паршивая собака, тѣми, кого я любилъ, какъ самого себя... этотъ ударъ черезчуръ тяжелъ для меня“ (стр. 277). Этотъ эпизодъ романа представляетъ прекрасную иллюстрацію къ выска-

[1]) Маккэй, „Анархисты“. Изд. Коренева. Спб. 1906.

занимъ выше соображеніямъ о томъ, какую власть получилъ бы Штирнеровскій „союзъ эгоистовъ“ надъ своими членами, будучи въ состояніи грозить имъ исключеніемъ изъ союза, если они разойдутся съ волей большинства; мы видимъ здѣсь, въ какой зависимости самая сильная личность стоитъ отъ общества, къ которому она принадлежитъ.

Нѣкоторый утопизмъ сказывается, впрочемъ, и въ разсужденіяхъ Маккэя. Онъ не можетъ удержаться отъ рекомендаціи тѣхъ политическихъ шаговъ, которые мы должны предпринять для сокрушенія государства. Высказываясь противъ насильственнаго выступленія съ оружіемъ въ рукахъ, Маккэй рекомендуетъ путь пассивнаго сопротивленія. „Грозная сила инерціи была въ теченіе нашего вѣка примѣняема только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ и тѣмъ не менѣе, благодаря ей, достигнуто многое; надо начать методически примѣнять ее по отношенію къ государству, отказывая ему, главнымъ образомъ, въ платежѣ налоговъ, и государство неизбѣжно падетъ“ (стр. 272 сл.). Если смотрѣть на процессъ преобразованія личности и общества, необходимый для установленія „органической нравственности“, какъ на процессъ сложной и медленной эволюціи, то несвоевременность и непрактичность мѣры, предлагаемой Маккэемъ для немедленнаго сокрушенія государства, не менѣе очевидна, какъ и непрактичность Штирнеровскаго возстанія. Рекомендація такой мѣры является даже нѣсколько неожиданной со стороны писателя, который только что заявилъ намъ, что „анархія является конечною цѣлью эволюціи человѣческаго общества“. Неужели Маккэй думаетъ, что эта эволюція уже завершилась, что водвореніе анархіи стало вопросомъ реальной политики дня? А вѣдь только при допущеніи такого предположенія становится умѣстнымъ изыскивать практическіе пути и тактическіе пріемы для устраненія государства во всѣхъ его формахъ. Съ принимаемой нами точки зрѣнія, государство не можетъ быть уничтожено никакими выступленіями противъ него — насильственными ли или пассивнымъ сопротивленіемъ, безразлично,—пока оно остается исторической необходимостью. Когда же эволюція человѣчества приведетъ къ тому, что оно перестанетъ быть таковой, то государство падетъ само собой, и никакихъ средствъ и тактическихъ пріемовъ для

его устраненія изыскивать не придется. Мы во всякомъ случаѣ такъ еще далеки отъ этого завершенія эволюціи, что возбуждать вопросъ о немедленномъ устраненіи государства можемъ, только предаваясь совершенно утопическимъ построеніямъ.

В. М. Хвостовъ.

БИБЛІОТЕКА
ЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ